

АННА АХМАТОВА В ПОИСКАХ «САМОСТИ»

Галина Михайлова

Вильнюсский университет
Кафедра русской филологии

Предметом размышлений в данной статье будет жизнь и творчество Анны Ахматовой с точки зрения осуществления ею процесса индивидуации (если воспользоваться категориями К. Г. Юнга). Ахматовская рефлексия над разного рода идентификациями, принятие на себя специфических психологических и социальных ролей и отказ от них, формирование экзистенциалистской системы суждений, включающих в себя понятия свободы воли и выбора, самореализации личности и ее истинного существования – вот круг вопросов, которые будут рассматриваться.

В совокупности основных выполненных Ахматовой ролей (женщины, жены, матери, профессионального литератора и т.д.) в разные периоды ее жизни актуализировалось чаще всего два-три ролевых поведения, иные же находились в латентном состоянии.

Прежде всего, остановимся на ролевом поведении молодой поэтессы Анны Ахматовой, которая была женой довольно известного поэта, литературного критика, организатора и лидера новой поэтической школы Н. С. Гумилева. Что скрывалось за тем, что спустя десятилетия Ахматова охарактеризовала так: «особенные, исключительные

отношения, та непонятная связь, ничего общего не имеющая ни с влюбленностью, ни с брачными отношениями...»¹?

Культура быта Серебряного века изобилует блестящими сюжетами, персонажи которых были связаны супружескими узами или любовными отношениями: А. А. Блок – Л. Д. Менделеева [– А. Белый], М. А. Волошин – Е. И. Дмитриева – Н. С. Гумилев, А. Белый – Н. И. Петровская – В. Я. Брюсов, Вяч. И. Иванов – Л. Д. Зиновьева-Аннибал [– С. М. Городецкий], Л. Ю. Брик – О. М. Брик [– В. В. Маяковский], Д. С. Мережковский – З. Н. Гиппиус [– Д. В. Философов], Ф. К. Сологуб – А. Н. Чеботаревская. Ахматова избегала участи Зиновьевой-Аннибал, которой ее муж, символист Вяч. Иванов, «предписал» быть менадой, вакханкой, участницей обрядовых дионисовых шествий. [...] Лидия Дмитриевна исполняла предложенную ей роль просто великолепно»². В отличие от нее (а также Гиппиус, Петровской, Чеботаревской, Брик) Ахматова не была ни

¹ *Записные книжки Анны Ахматовой (1958 – 1966)*, Москва – Torino, 1996, с. 365.

² М. Михайлова, *Лица и маски русской женской культуры Серебряного века. Библиографическое описание*, www.a-z.ru/women_cdl/html/mikhailova_g.htm

центром, ни в эпицентре публичного литературного пространства. Поэтому оправдана ее ирония по поводу самоидентификации отдельных «эмигрантских старушек», авторов появившихся в 1950–1960-х гг. мемуаров, в которых те стремились предстать «счастливыми соперницами такой женщины, как Аня» и «как минимум» в роли хозяйек литературно-политических салонов à la мадам де Сталь или мадам Рекамье³. Не стала Ахматова и персонажем творческого любовного союза в стиле В. С. Соловьева или женским звеном жизнотворческого акта⁴, подобно той же Зиновьевой-Аннибал, Менделеевой или Дмитриевой. Минули ее удел Петровской, которая просто по «неумению работать не сумела «выработаться» в писательницу»⁵, и судьба Гиппиус, которой, чтобы «стать поэтом, ...пришлось поэтессу в себе зачеркнуть»⁶.

Современники запомнили Ахматову 1909–1912 гг. как молчаливую, бледную, неулыбчивую молодую женщину, сосредоточенную на чем-то своем. Но полностью ли Ахматова игнорирова-

ла то, что предписывалось ей ролью «Гумильвицы»?⁷ Вероятно, нет. Иначе, откуда бы появилось то единогласие в оценках ее ролевого поведения как «модной петербургской поэтессы», вышедшей замуж «за путешественника, поэта и искусного организатора литературных групп»⁸? Против этого единогласия Ахматова яростно боролась в 1960-е годы⁹. Но мы сошлемся на ее «проговорку»: «...как умели хвалить на Парнасе серебряного века! На эти бешеные и бесстыдные похвалы я довольно кокетливо отвечала: “А вот моему мужу не нравится”»¹⁰. Тем не менее, «когда в 1910 г. люди встречали двадцатилетнюю жену Н. Г. <умилева>, ...то едва ли приходило в голову, что у этого существа за плечами уже очень большая и страшная

⁷ Так, возможно, за глаза называли Ахматову в литературных и околотитулярных кругах 1910-х гг. См. отрывки из записей М. А. Кузмина и письма В. К. Шварсалон в кн.: В. А. Черных, *Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1889–1966*, Москва, 2008, с. 61, 63, 64.

⁸ См.: *Записные книжки Анны Ахматовой*, с. 640.

⁹ Просматривая вариант диссертации американского слависта С. Драйвера в мае 1965 г., Ахматова высказала недовольство искажением фактов своей жизни с Гумилевым. Она полагала, что диссертант стал жертвой лживых воспоминаний С. К. Маковского На Парнасе «Серебряного века», (Мюнхен, 1962). Ахматова прочла эти мемуары в 1963 г. Столь же сурово она отзывалась об издании собрания сочинений Гумилева, главным образом, из-за биографической статьи с цитатами из мемуаров Г. В. Иванова, И. В. Одоевцевой, Н. А. Оцуца и того же Маковского, написанной проф. Калифорнийского университета в Беркли Г. П. Струве. Негативно Ахматова оценила и американскую публикацию 1954 г. В. А. Неведомской, касающуюся жизни четы Гумилевых в Слепнев. См.: *Р. Тименчик, Анна Ахматова в 1960-е годы*, Москва; Toronto, 2005, с. 248, 255, 701.

¹⁰ А. Хейт, *Анна Ахматова. Поэтическое странствие. Дневники, воспоминания, письма А. Ахматовой*, Москва, 1991, с. 225–226.

³ *Записные книжки Анны Ахматовой*, с. 529, 362.

⁴ См. об этом, к примеру: М. Михайлова, «Лидия Зиновьева-Аннибал и Вячеслав Иванов: сотворчество жизни», *Вячеслав Иванов: материалы и исследования*, Москва, 1996, с. 319–332; *Валерий Брюсов и Нина Петровская. Переписка 1904–1913*. Вступит. ст., подготовка текста и ком. Н. А. Богомолова, А. В. Лаврова, Москва, 2004.

⁵ М. В. Михайлова, «Внутренний мир женщины и его изображение в русской женской прозе Серебряного века», *Преобразование (Русский феминистский журнал)*, 1996, № 4, с. 150–158, www.philology.ru/.../mikhaylova-96.htm

⁶ В. Вейдле, «Умерла Ахматова», *Литературная учеба*, 1989, № 3, с. 158–161, <http://www.akhmatova.org/articles/veidle.htm>

жизнь, что стихи 10–11 г. не начало, а продолжение»¹¹.

Коротко охарактеризуем предшествующие замужеству годы этой «большой и страшной жизни». С точки зрения современницы, в ранней юности Ахматова явно выходила за рамки социальных представлений о женственности, характерных для той эпохи: «...она не очень импонировала “добродетельным” обывательницам затхлого и очень дурно и глупо воспитанного Царского Села»; «Она не признавала никакого насилия над собой – ни в физическом, ни тем более, в психологическом плане»¹². Но нельзя не отметить присущие Ахматовой черты *стандартного* психокосмоса юной девушки из интеллигентных слоев общества, живущей напряженной душевной жизнью: нестабильность, экзальтированность, склонность к преувеличениям. «Тайком (будто презирая)»¹³ Ахматова читает модный феминистский роман *Ключи счастья* (1909–1913) А. Н. Вербицкой, а в письмах С. В. фон Штейну 1906–1907 гг. демонстрирует влечение к христианской модели женского поведения (самопожертвование) и свои представления о непреложности женской судьбы:

«...я до сих пор люблю В. Г.-К. [В. Г. Голенищева-Кутузова – Г.М.] И в жизни нет ничего, ничего, кроме этого чувства. У меня невроз сердца от волнений, вечных терзаний и слез. [...] Хотите сделать меня

счастливой? Если да, то пришлите мне его карточку»¹⁴;

«...какая я жалкая и ненужная. Главное, ненужная, никому, никогда. Умереть легко. [...] я в Евпатории вешалась на гвоздь...» (2, 179);

«Может быть Вы пришлете мне в заказном письме карточку Кутузова? Я только дам сделать с нее маленькую для медальона и сейчас же вышлю Вам»;

«Я кончила жить, еще не начиная» (2, 180);

«Я выхожу замуж за друга моей юности Николая Степановича Гумилева. Он любит меня уже 3 года, и я верю, что моя судьба быть его женой. Люблю ли его, я не знаю, но мне кажется, что люблю» (2, 181).

«Если он [отец – Г.М.] будет против моего брака, я убегу и тайно обвенчаюсь с Nikolai [Н. С. Гумилевым – Г.М.] [...] Я стала зла, капризна, невыносима. [...] я себя ненавижу, презираю, я не могу выносить этой лжи, опутавшей меня...» (2, 182–183); «Я отравлена на всю жизнь, горек яд неразделенной любви! Смогу ли я снова начать жить? Конечно, нет! Но Гумилев – моя Судьба, и я покорно отдаюсь ей. [...] Я клянусь Вам всем для меня святым, что этот несчастный человек будет счастлив со мной» (2, 184).

Как видим, Ахматова рисует картину стереотипного идеального брака, в котором женщина, усмирив свои чувства, кладет себя на алтарь жертвенной любви к мужу. Спустя пятнадцать лет на этот «вечный русский соблазн самозамаления, смирения, страдальчества, кротости, бедности» в рамках «монастырской эстетики» Ахматовой указа-

¹¹ *Записные книжки Анны Ахматовой*, с. 220.

¹² В. С. Срезневская, «Дафнис и Хлоя», *Воспоминания об Анне Ахматовой*, Москва, 1991, с. 6, 12.

¹³ По воспоминаниям дочери О. А. Оболенской. Цит. по: Р. Тименчик, *Анна Ахматова в 1960-е годы*, с. 703.

¹⁴ А. Ахматова, *Сочинения в 2 т.*, Москва, 1990, т. 2, с. 177–178. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием в скобках тома и страницы.

ли К. И. Чуковский¹⁵ и Ю. И. Айхенвальд¹⁶.

Брак Ахматовой с Гумилевым – этап в настойчивом поиске женского Я. Но женская идентичность создается Ахматовой не только традиционно телесным опытом (лихорадка влюбленности, поцелуи, первые сексуальные опыты, нервные припадки, обмороки, слезы...). В годы, предшествующие замужеству, Ахматова много читала (Блока, Бодлера, Брюсова, Андреева, Гумилев, Шекспира, Шиллера и т.д.) и писала стихи. Это позволяло ей обосновывать идентичность через отношение к избранным *Другим* (персонажам мировой литературы) и открыто писать о своих переживаниях:

«Помните у В. Брюсова:

Сораспята на муку,
Враг мой давний и сестра,
Дай мне руку! дай мне руку!
Меч взнесен. Спешу. Пора.

И я дала ему руку, а что было в моей душе, знает Бог и Вы, мой верный, дорогой Сережа. [...] Я не пишу ничего и никогда писать не буду. Я убила душу свою, и глаза мои созданы доля слез, как говорит *Иоланта*. Или помните *вещу Кассандру Шиллера*. Я одной гранью души *примыкаю к темному образу* этой великой в своем страдании

¹⁵ К. Чуковский, «Ахматова и Маяковский», *Анна Ахматова: Pro et contra*, С.-Петербург, 2001, с. 208–235, <http://www.akhmatova.org/articles/chukovskiy.htm>

¹⁶ «Ее любовь – та же власяница. У нее строгая страсть, и она смущена своей любовью, но, может быть, успокоена тем, что любовь ее несчастна и, значит, Бог не в обиде, Бог не поруган грешностью своей богомолицы». – Ю. И. Айхенвальд, «Анна Ахматова», *Анна Ахматова: Pro et contra*, с. 238–254, <http://www.akhmatova.org/articles/articles.php?id=10>

пророчицы. Но до величия мне далеко. [...] Стихи Федорова за немногими исключениями действительно слабы. У него неяркий и довольно сомнительный талант. *Он не поэт, а мы, Сережа, – поэты*. (2, 181–182. Из письма С. В. фон Штену от 2 февраля 1907 г. Курсив мой. – Г.М.).

Поэтому не удивительно, что, выйдя замуж, она не захотела отдавать себя в объекты, отождествить себя со своим телесным комплексом, свести разнобразную сущность своей природы (все «границы души») к одному ее уровню. К уровню, например, ревнивой жены. «Делать из меня ревнивую жену в 10-ых годах очень смешно и очень глупо», – писала Ахматова в 1963 г. в набросках статьи о Гумилеве¹⁷. Или – к обязанностям матери, потому что Ахматова освободила себя от того стереотипа женского, который был столь важен, например, для Е. Г. Гуро или А. К. Герцык, – от «роли матери в том понятии, которое сопряжено с уходом и заботами о ребенке: там были бабушка и ня- ня. И она вошла в свою обычную жизнь литературной богемы»¹⁸. Заметим, что нарушение именно этого ролевого предписания вызывало самое большое количество нареканий. Ср. в письме Н. Н. Пунина: «Вы знаете, многие осуждают Вас за Леву, но тогда мне было так ясно, что Вы сделали мудро и безусловно лучшее из того, что могли выбрать (я говорю о Бежецке), и Лева не был бы тем, что он есть, не будь у него бежецкого детства»¹⁹. По ряду сви-

¹⁷ *Записные книжки Анны Ахматовой*, с. 361.

¹⁸ В. С. Срезневская, «Дафнис и Хлоя», с.10.

¹⁹ Письмо Пунина Ахматовой в Ташкент от 4 апреля 1942 г. – *Из переписки А. А. Ахматовой*

детельств мы можем судить, что именно рождением сына Ахматова завершает свои отношения с Гумилевым. Есть запись К. И. Чуковского, зафиксировавшего реплику Ахматовой: «Мужчина нужен только чтобы родить ребенка»²⁰. Есть запись и самой Ахматовой: «... скоро после рождения Левы (18 сентября 1912 г.), мы молча дали друг другу полную свободу и перестали интересоваться интимной стороной жизни друг друга»²¹.

В 1911 г. Ахматова выходит в официальное пространство русской поэзии со всеми вытекающими из этого последствиями: первое публичное чтение стихов, публикации в журнале «Аполлон», появление первых пародий как знак последующей канонизации поэтессы²², обсуждение стихов на «Башне» у Вяч. Иванова, на заседании авторитетной «Академии стиха» под председательством Ф. Ф. Зелинского и на заседаниях «Цеха поэтов»²³, лестный дневниковый отзыв Блока²⁴. В марте 1912 г. выходит в свет первый сборник Ахматовой *Вечер* с предисловием М. А. Кузмина.

вой и Н. Н. Пунина. Публ., подготовка текста и прим. Л. Зыкова, <http://www.akhmatova.org/letters/akhmatova-punin2.htm>

²⁰ Запись 14 мая 1923 г. – К. И. Чуковский, *Дневник. 1901–1929*, Москва, 1991, с. 246.

²¹ *Записные книжки Анны Ахматовой*, с. 342.

²² Ср. приведенную Ахматовой реплику Ф. К. Сологуба: «Критика вовсе не собиралась призывать Ахматову, ее принудили к этому читатели». – *Записные книжки Анны Ахматовой*, с. 93.

²³ В. А. Черных, *Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой*, с. 70, 71.

²⁴ «...читала стихи, уже волнуя меня; стихи чем дальше, тем лучше». – А. А. Блок, *Собрание сочинений в 8 т.*, Москва; Ленинград, 1960–1963, т. 7, с. 83.

В этом сборнике, как и во всех последующих (до 1924 г.), культурно-символическая дефиниция пола отражала традиционную гендерную идеологию и дифференциацию. Как верно заметили авторы известной книги *Безумная на чердаке: женщина-писательница и литературное воображаемое 19 века* (1979), писательницы в патриархатной культуре попадают в ее дискурсивные ловушки²⁵. В поэзии Ахматовой это метафорический дискурс женского телесного опыта (красота, хрупкость, слабость, зачастую пассивность лирического субъекта), символов подчиненности и отсутствия выбора, знаков «теремной системы» (стихотворения «Муж хлестал меня узорчатым...», «Сероглазый король», «Был он ревнивым, тревожным и нежным...», «Путник милый, ты далече...» и др.). Сравнивая, отметим, что в поэзии Гумилева символическая интерпретация пола означена метафорами силы, активности, свободы, власти, подвига, права на выбор²⁶. Гендерный стереотип предписывает мужчине быть воином, охотником и любовником. Реализацию именно такого взгляда мы находим у Гумилева, очередной сборник которого *Чужое небо* появился в печати в конце марта 1912 г., вслед за сборником Ахматовой *Вечер*. В его сти-

---

²⁵ См. об этом: И. Жеребкина, «Феминистская литературная критика», *Введение в гендерные исследования. Часть 1*. Уч. пособие под ред. И. Жеребкиной, Харьков; С.-Петербург, 2001, <http://www.owl.ru/library/004t.htm>

²⁶ См.: А. Н. Кудрикова, «Гендерные различия в поэзии А. А. Ахматовой и Н. С. Гумилева», *Наука. Университет. 2005*. Материалы шестой науч. конференции, Новосибирск, 2005, с. 58–66, <http://www.philology.ru/literature2/kudrikova-05.htm>

хах, посвященных Ахматовой, налицо описания драматических гендерных отношений: фиксируется основная бинарная оппозиция мужского видения женщины, которую составляют образы ангела и ведьмы. Как писала Ахматова, это и «влюбленная в Мефистофеля Маргарита», и «женщина-вамп в углу», и «просто отравительница», и «киевская колдунья с Лысой горы»²⁷. Ахматова же, в свою очередь, драматизирует амбивалентное разделение между двумя возможными образами женского – традиционным патриархатным образом и одновременным сопротивлением ему. С этой точки зрения показательна рецензия Ю. И. Айхенвальда на сборники *Вечер*, *Четки*, *Белая стая* и *Подорожник*. Критик увидел в них явление «образа женской души, которая приняла любовь как отраву, недуг и удушье», «страдалицу» любви, которая «хочет быть прирученной, покоренной, и неспроста читаем мы в одном ее стихотворении: “Муж хлестал меня узорчатым, вдвое сложенным ремнем”. [...] Бывают у нее минуты, когда общая смиренность ее отходит вдаль и сменяется реакцией безудержного и буйного протеста»²⁸.

Если продолжить разговор о критической рецепции поэзии Ахматовой в те годы, то нужно отметить следующее: хотя первые сборники Ахматовой прочитывались отдельными критиками не в контексте современной женской поэзии, а в сопоставлении с текстами патриархатного Большого канона (со сти-

хами Анненского, Кузмина, Сологуба, Блока)²⁹, подавляющее большинство отзывов демонстрирует литературно-критическое «мышление по половой аналогии». С. М. Городецкий в стихах Ахматовой, напечатанных в альманахе *Аполлон*, ощутил «острый аромат женской жизни»³⁰. Позднее, в рецензии от 30 апреля 1912 г., он включил сборник *Вечер* в ряд книг (Е. Ю. Кузьминой-Караваевой, М. И. Цветаевой и др.), обозначенных им как *Женское рукоделие*³¹. Н. С. Гумилев, характеризуя вторую книгу Ахматовой *Четки* (1914), писал: «В ней обретает голос ряд немых до сих пор существований, – женщины влюбленные, лукавые, мечтающие и восторженные говорят, наконец, своим подлинным и в то же время художественно-убедительным языком»³². Аналогично К. В. Мочульский в статье *Современных записок* (Париж, 1922 № 10) в *Четках* увидел «тонкое очарование ... женственной поэзии», указывая на «“прелестные” мелочи, эстетические радости и печали» и на «мотивы неразделенной любви, тоски и ожидания». Мыслящий патриархатными оппози-

²⁹ См.: Анна Ахматова. *После всего*. Сост. Р. Д. Тименчик и К. М. Поливанов, Москва, 1989, с. 80. Ср. со статьей Н. Осинского *Побеги травы*. (Заметки читателя). 3. *Новая литература: поэзия 1922 г.*, в которой сказано, что Ахматова после смерти Блока занимает первое место среди русских поэтов: «На таком месте мы впервые видим женщину». – Цит. по: В. А. Черных, *Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой*, с. 162.

³⁰ Цит. по: В. А. Черных, *Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой*, с. 72. Курсив мой. – Г.М.

³¹ Там же, с. 75.

³² Н. Гумилев, «“Письма о русской поэзии”». Рецензии на поэтические сборники», *Н. Гумилев, Сочинения в 3 т.*, Москва, 1991, т. 3, с. 139.

²⁷ *Записные книжки Анны Ахматовой*, с. 152.

²⁸ Ю. И. Айхенвальд, «Анна Ахматова», <http://www.akhmatova.org/articles/articles.php?id=10>

циями, критик разглядел, как «женственное изящество» *Четок* сменилось «строгой мужественностью, скорбной торжественностью и молитвенностью “Белой стаи”». Не потому ли именно в *Белой стае* «из манеры “Четок” выплывает и выковывается подлинный поэтический стиль»? – задает Мочульский риторический вопрос³³.

Резюме советской критики начала 1920-х гг. звучали схоже («Ахматова знает только местоимение ты, обращаемое женщиной к возлюбленному, и еще другое ты, обращенное к Богу»³⁴) либо осложнялись указаниями на консервативный/дворянский/буржуазный (читай – антисоветский) характер ее женской поэзии. 26 июля 1923 г. в газете *Правда* в статье Л. Д. Троцкого *Формальная школа поэзии и марксизм*, провозглашающей необходимость «новой лирики» для формирования «нового человека», лирика Ахматовой, Цветаевой, Шкапской и др. объявлялась общественно и эстетически непригодной: «если вы свое мироощущение Домостроя переводите на язык акмеизма, то это не делает вас новыми поэтами»³⁵. Показательной является и разгромная статья Г. Лелевича, опубликованная в журнале *На посту* осенью 1923 г. Опираясь на отмеченную критикой дневниковость, автобиографичность

ахматовской поэзии Лелевич писал о взрастившей Ахматову «социальной обстановке» – «дворянском гнезде» XX века, о ее быте и психике, пронизанных «мистикой и религиозностью», об эротике как основном мотиве творчества, о ненависти к революции³⁶. В 1924 г. в журнале *Большевик* Лелевич назвал Ахматову «несомненной литературной внутренней эмигранткой»³⁷. Были и моменты полемики: левовец Б. И. Арватов в статье *Гражд. Ахматова и Тов. Коллонтай* дал отпор А. М. Коллонтай, очертившей главные конфликты поэзии Ахматовой («Конфликт в любви из-за непризнания в женщине со стороны мужчины ее человеческого “я”. Конфликт в душе женщины из-за неумения совместить любовь и участие в творчестве жизни») в статье *О Драконе и Белой птице*. Коллонтай опознала в лирике Ахматовой душу женщины «современной переходной эпохи». По Арватову же, «сюсюкающее, томное, инфантильное» явление, т.е. лирика Ахматовой, не может именоваться новой культурой³⁸.

Таким образом, литературная критика 1910–20-х гг. единодушно определяла поэзию Ахматовой как эстетизацию специфического женского опыта³⁹, рассматривая ее феномен в плане прогрес-

³³ К. Мочульский, «Анна Ахматова “Anno Domini”», *После всего. В 5 кн.*, с. 54–61, <http://www.akhmatova.org/articles/mochulsky.htm>

³⁴ К. Чуковский, «Ахматова и Маяковский», *Анна Ахматова: Pro et contra*, с. 208–235, <http://www.akhmatova.org/articles/chukovskiy.htm>

³⁵ Цит. по: В. А. Черных, *Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой*, с. 179.

³⁶ Г. Лелевич, «Анна Ахматова (Беглые заметки)», *На посту*, 1923, №№ 2–3, с. 177–202.

³⁷ Цит. по: В. А. Черных, *Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой*, с. 188.

³⁸ Б. И. Арватов, «Гражд. Ахматова и Тов. Коллонтай», *Анна Ахматова: Pro et Contra*, с. 416–423, <http://www.akhmatova.org/articles/articles.php?id=26>

³⁹ Ср. с более поздним (1931 г.) высказыванием В. Ф. Ходасевича: «Как человеческий документ “женская поэзия” содержательнее и ценнее, чем как собственно поэзия». – В. Ходасевич, *«Женские» стихи*, http://az.lib.ru/h/hodasewich_w_f/text_0058.shtml

са и развития женской эмансипации («...вся сила и вся слабость Ахматовой в том, что она замкнута в круг женских переживаний. [...] Ахматова указала женщине путь к освобождению. Это путь творчества. Невольница делается царицей»⁴⁰). Критики указывали на отраженные в ахматовских стихах страдания, причиненные мужчиной, не способным оценить неповторимость женщины, любящим в ней то, что свойственно всему прекрасному полу. В качестве содержательно-стилевой специфики в лирике Ахматовой выделялись «общеженские или среднеженские» ноты». Приобщение же женщины (Ахматовой и ее лирической героини) к творчеству воспринималось, как верно заметила М. В. Михайлова по поводу оценки критикой стихотворений В. Рудич, «неким символом, знаком свободы и независимости»⁴¹. Наиболее проницательные критики (Н. В. Недоброво, А. М. Коллонтай, К. В. Мочульский) отметили потребность лирического субъекта поэзии Ахматовой в равенстве

с мужчиной вне претензии на тождество с ним – знак духовной самооценности женщины в женской ее сущности.

Поэтому вернемся в 1910-е гг. и попробуем определить намерения Н. С. Гумилева в отношении пишущей стихи супруги и степень его участия в формировании позиции «самостояния» и «самоустояния» Ахматовой. Полагаем, что Гумилев определял свои отношения с Ахматовой-поэтессой как отношения равных, но в этом творческом союзе он стремился занять лидирующее положение. Об этом свидетельствуют проекционистская опека и поддержка им издательских начинаний Ахматовой. Сошлемся, к примеру, на письмо Гумилева В. Я. Брюсову от 24 мая 1911 г. (Ахматова в то время была в Париже) с просьбой высказаться о ее стихах: «Как Вам показались стихи Анны Ахматовой (моей жены)? Если не поленитесь, напишите, хотя бы кратко, но откровенно. И положительное и отрицательное Ваше мнение заставит ее задуматься, а это всегда полезно»⁴². Как рассказывала сама Ахматова, чуть раньше, 25 марта, по возвращению из африканского путешествия, Гумилев, выслушав ее стихи, сказал: «Ты поэт – надо делать книгу»⁴³.

В частной же жизни доказательством серьезного и бережного отношения Гумилева к поэтическому дебюту Ахматовой является достаточно рано сформировавшаяся определенность в представ-

⁴⁰ Из рецензии М. Павлова в ж-ле *Книга и революция* № 3 (февраль 1922 г.). Цит по: В. А. Черных, *Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой*, с. 157. Ср. с высказыванием К. В. Мочульского: «Из этого проклятого круга любви и ненависти... выводят поэта сверхличные чувства – любовь к родине и вера в свое призвание. В песнях дана великая свобода. От пытки земной страсти освобождает “дивный дар” песен, который “нетленной любви”. [...] Темное земное томление переливается в песни...». – К. Мочульский, «Анна Ахматова “Anno Domini”», *После всего. В 5 кн.*, <http://www.akhmatova.org/articles/mochulsky.htm>

⁴¹ М. Михайлова, «Русская интеллигенция Серебряного века: творческая и профессиональная самореализация женщины», *Intelligencja: tradicja i nowe czasy*, Krakow, 2001, ss. 159–172, http://www.a-z.ru/women_cd1/html/mihailova_i.htm

⁴² Цит. по: В. А. Черных, *Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой*, с. 65.

⁴³ А. Хейт, *Анна Ахматова. Поэтическое странствие. Дневники, воспоминания, письма А. Ахматовой*, с. 226.

лениях о своем и ахматовском социокультурном статусе: «...когда я думаю о моем ближайшем творчестве, оно по инерции представляется мне в просветленных тонах “Чужого неба”. Кажется, *земные наши роли* переменятся, ты будешь акмеисткой, я мрачным символистом» (из письма Ахматовой в июне 1912 г. Курсив мой. – Г.М.)⁴⁴.

Свидетельница тех лет, ближайшая подруга Ахматовой В. С. Срезневская утверждала, что Гумилеву «не хотелось иметь в своей жизни просто спокойную, милую, скромную жену, мать нескольких детей, хозяйку дома...»⁴⁵. Не хотелось или не могло, ведь последовавший вслед за разводом с Ахматовой брак Гумилева с А. Н. Энгельгардт носил именно такой, «домостроевский» характер? Та же Срезневская писала: «Их отношения были скорее тайное *единоборство*. С ее стороны – для *самоутверждения как свободной от оков женщины*, с его стороны – желание не поддаться никаким колдовским чарам, остаться самим собой, *независимым и властным... над этой вечно, увы, ускользающей от него женщины, многообразной и не подчиняющейся* никому»⁴⁶. Точка зрения Срезневской часто цитируется в ахматоведении. Полагают, что мемуаристка точно определила суть конфликта полов в этом союзе: борьба Ахматовой против навязываемой Гумилевым половой роли объекта его власти.

Мы же сошлемся на фрагмент в одном из писем Гумилева: «Милая Аня,

я знаю, ты не любишь и не хочешь понять это, но мне не только радостно, а и прямо необходимо по мере того, как ты углубляешься для меня как женщина, укреплять и выдвигать и выдвигать в себе мужчину»⁴⁷. В этом высказывании остаются на себе внимание два момента: позиция Гумилева и обозначенная им позиция Ахматовой. Женщина (Ахматова) для Гумилева выступает как *Другой* мужчины, как зеркало, отражающее его собственную мужественность, включающую и творческую энергию. Ахматова же, судя по всему («ты не любишь и не хочешь понять это»), отказывалась от подобного, весьма распространенного, как мы указали выше, в творческой элите Серебряного века конструирования «самости». Для сравнения процитируем уверенное высказывание Вяч. Иванова, касающееся смирившейся с ролью «негатива» Л. Д. Зиновьевой-Аннибал: «Друг через друга нашли мы – каждый себя. И не только во мне впервые раскрылся и осознал себя, вольно и уверенно, поэт, но и в ней»⁴⁸.

Итак, параллельно с противостоянием, связанным с согласием (Гумилева) и отказом (Ахматовой) от традиционных гендерных ролей, развивался конфликт двух поэтов, утверждавших свою культурную идентичность, отстаивавших свое поэтическое «я». Современники много говорили, а позднее и писали о

⁴⁷ Из письма апреля 1913 г. – Н. Гумилев, *Сочинения в 3 т.*, т. 3, с. 236.

⁴⁸ В. Иванов, *Собрание сочинений*. Под ред. Д. В. Иванова и О. Дешарт с введ. и прим. О. Дешарт, Брюссель, 1974, т. II, с. 20. Цит. по: М. В. Михайлова, *Страсти по Лидии*, http://az.lib.ru/z/zinowxewaannibal_1_d/text_0020.shtml

⁴⁴ Н. Гумилев, *Сочинения в 3 т.*, т. 3, с. 235–236.

⁴⁵ В. С. Срезневская, «Дафнис и Хлоя», с. 17.

⁴⁶ Там же, с. 8. Курсив мой. – Г.М.

том, что Гумилев высмеивал поэтические опыты жены, стеснялся ее стихов⁴⁹. Много позже Ахматова назвала подобные высказывания «нелепостями», хотя прояснение творческих отношений с Гумилевым в аспекте первичности/вторичности дарований, учительства/ученичества и, в конечном счете, равенства/неравенства талантов, безусловно, было:

«Но ведь и я отстаивала себя. Мне тоже надо было остаться самой собой, а не стать ученицей, мироносицей и т.д.»;

«Почему этим, якобы грамотеям, не приходит в голову отметить тот довольно, по-моему, примечательный факт, что на моих стихах нет никакого влияния Г<умиле>ва, несмотря на то, что мы были так связаны, а весь акмеизм рос от его наблюдения над моими стихами тех лет, так же как над стихами Мандельштама»;

«...весь мой протест ... было инстинктивное желание сохранить себя, свой путь в искусстве, свою индивидуальность. Действительно поразительно, как девочка, 10 лет находившаяся в непосредственной близости от такого властного человека и поэта, наложившего свою печать на несколько поколений молодых, ни на минуту не поддавалась его влиянию...»;

«[Гумилев] не оказал ни малейшего влияния на девочку, которая была с ним рядом, и к которой он был привязан так долго огромной трагической любовью (а м.б., именно потому)»⁵⁰.

⁴⁹ К. В. Мочульский замечал, что в качестве публикуемого литературного критика Гумилев проявлял «сдержанность по отношению к Ахматовой». – К. В. Мочульский, «Поэтика Гумилева», *Звено*, Париж, 1923, 18 июня. Цит. по: Н. Гумилев, *Сочинения в 3 т.*, т. 3, с. 254.

⁵⁰ *Записные книжки Анны Ахматовой*, с. 233, 251, 272–273, 625.

С 1924 по 1939-й г. Ахматова вновь пыталась обрести радость домашней жизни с мужем, художественным критиком, исследователем, педагогом и музейным работником, идеологом «левого искусства» Н. Н. Пуниным. Это было «темное и тяжелое счастье»⁵¹ в очень непростые, с точки зрения материального достатка, годы⁵². Ахматова мало писала⁵³, переводила для Пунина научные труды с иностранных языков, включила в круг своих интересов людей, близких мужу. Пунину казалось, что он хорошо понимает женскую суть Ахматовой, воспринимая ее в чисто патриархатных категориях оппозиции: «Я не знаю человека, в котором жил бы такой большой и чистый ангел в таком темном греховном теле»⁵⁴.

Связи с Пуниным предшествовали: короткая (декабрь 1918 – лето 1921 гг.), но радикальная, имевшая жертвенный характер, попытка растворения своей самости в *Другом* и подчинения чужой воле – затворнический брак с извест-

⁵¹ *Из переписки А. А. Ахматовой и Н. Н. Пунина*, <http://www.akhmatova.org/letters/akhmatova-punin2.htm>

⁵² «(Перенесла три [четыре] клинических года: I – 1918–1921, II – 1928–1932 (карточки, недоедание), III – война, в Ташкенте, IV – после пост<ановления> ЦК 1946 г.)». – *Записные книжки Анны Ахматовой*, с. 665. Заметим, что голодный период, обозначенный цифрой I, – это годы, проведенные с В. К. Шилейко.

⁵³ В самом начале отношений, осенью 1923 г., Н. Н. Пунин записывает: «Ан. перестала писать стихи; почему это, что это значит, вот уже год, почти ни одного стихотворения? Она говорит, что это от меня». – Н. Пунин, *Мир светел любовью: Дневники. Письма*. Сост. Л. А. Зыков, С.-Петербург, 2000, с. 205.

⁵⁴ Запись Пунина января 1923 г. – Н. Пунин, *Мир светел любовью: Дневники. Письма*, с. 165. Курсив мой – Г.М.

ным ученым–ассирологом, поэтом и переводчиком шумерской и аккадской поэзии В. К. Шилейко⁵⁵, а также мучительный роман с А. С. Лурье⁵⁶. «Бедный» и «больной» Шилейко терзал ее «своей сатанинской ревностью»⁵⁷, которая распространялась и на интеллектуальные (творческие) занятия супруги. Согласно записям П. Н. Лукницкого, в декабре 1919 г. Шилейко «чуть не убил» Ахматову, осмелившуюся подписать договор своим поэтическим псевдонимом, а не его фамилией⁵⁸. Более того, по авторитетному мнению Р. Д. Тименчика, заочная полемика Ахматовой с мемуаристами и «апокрифическим мнением» безымянных современников «вряд ли была столь раскаленной, если бы не напоминала обиды, претерпленные от более близких и более авторитетных для нее судей. Таким был Шилейко...»⁵⁹.

Примечательно, что Н. Н. Пунин в 1920 г. «высоко» оценил демонстративное самоотречение Ахматовой: «Хорошо себя держит. У меня к ней отношение, как к настоящей; робею ее видеть.

⁵⁵ Г. И. Чулков в письме от 12 августа 1920 г. сообщал своей жене, что Ахматова «превратилась в скелет, одетый в лохмотья. Но стихи прочла чудесные. Она, по рассказам, в каком-то странном заточении у Шилейко». – Цит. по: В. А. Черных, *Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой*, с. 136.

⁵⁶ Из дневника Н. Н. Пунина, запись от 17 января 1923: «сегодня нашел ее томящейся от обид Артура – получила новые доказательства его измен». – Н. Пунин, *Мир светел любовью: Дневники. Письма*, с. 168.

⁵⁷ *Записные книжки Анны Ахматовой*, с. 704.

⁵⁸ Цит. по: В. А. Черных, *Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой*, с. 132. Имя «Ахматова» стало паспортным именем после развода с Шилейко. – См.: Р. Тименчик, *Анна Ахматова в 1960-е годы*, с. 539.

⁵⁹ Р. Тименчик, *Анна Ахматова в 1960-е годы*, с. 134.

Чувствую благодарность за то, что ушла от богемы и Гумилева и что не читает и не печатает сейчас стихов»⁶⁰. Расставание с Шилейко принесло полное освобождение: «...никакой seclusion after the “tragic events”. не было. Печатались стихи всюду и книги. Стала членом правления Дом<a> иск<усства> и Дома лит<ераторов>. Наоборот, я именно тогда и возникла (выступления, журналы, альманахи), потому что рассталась с Вл<адимиром> Каз<имировичем> Ш<илейко>. Это он ... не пускал меня никуда. Я оставила его навсегда весной 1921 и летом написала большой цикл стихов ..., из кот<орых> возник сборник “Anno Domini”...»⁶¹. Среди этих стихов – и известное стихотворение «Все расхищено, предано, продано...», образы которого, по словам Ахматовой, несмотря на многочисленные политизированные ссылки на него в публицистике того времени⁶², являлись образами «душевного просветления и никакого отношения к политике не имеют»⁶³.

Итак, нельзя сказать, что Ахматова не пыталась соответствовать типу женщины маскулинистской социо-культурной парадигмы, примиряясь с бытом как сферой женского существования и пытаясь найти в этом радость, ограничивая себя, по сути, единственной формой духовной деятельности – любовью. Была и третья попытка построения брачных

⁶⁰ Н. Пунин, *Мир светел любовью: Дневники. Письма*, с. 168.

⁶¹ *Записные книжки Анны Ахматовой*, с. 625–626.

⁶² См.: Р. Тименчик, *Анна Ахматова в 1960-е годы*, с. 129–131.

⁶³ *Записные книжки Анны Ахматовой*, с. 147.

отношений – с В. Г. Гаршиным в предвоенные и военные годы. В трех эпизодах (с Гумилевым, Пуниным и Гаршиным) наблюдалось стремление Ахматовой к конструированию гендерно-чувствительных отношений, или, в терминологии либерального феминизма, – к взаимодействию в пределах брачного союза «различных, но равных» полов. Все три попытки завершились разрывом. Вероятно, возможно вести речь идет о неприятии Ахматовой традиционного гендерного статуса вследствие состоявшейся самореализации и иной самооценки. Поэтому не вызывает удивления ретроспективное перечеркивание в поэзии зрелой Ахматовой того, что диктовало и диктует гендерную особенность ее лирического субъекта. Особенно очевидно это в большом цикле «Северные элегии»:

И никакого розового детства...
 Веснушечек, и мишек, и игрушек,
 И добрых тёть, и страшных дядь, и даже
 Приятелей среди камешков речных.
 Себя самой я с самого начала
 То чьим-то сном казалась или бредом,
 Иль отраженьем в зеркале чужом,
 Без имени, без плоти, без причины. [...]

В том доме было очень страшно жить,
 И ни камина жар патриархальный,
 Ни колыбелька нашего ребенка,
 Ни то, что оба молоды мы были
 И замыслов исполнены .....
 ..... и удача
 От нашего порога ни на шаг
 За все семь лет не смела отойти, –
 Не уменьшали это чувство страха
 (1, 260–261).

Ахматова упорно разрушала традиционные модели женственности – топосы дома, семьи, подчеркивая «тран-

зитное» бытие лирического субъекта, его пребывание в чужом, временном пространстве вплоть до «Я пью за разоренный дом, / За злую жизнь мою, / За одиночество вдвоем / И за тебя я пью» (1,193). Подобная деструкция происходит в рамках складывающегося личностного мифа, т.е. полемического утверждения непрерывного творческого развития. Ахматову возмущало желание критиков и мемуаристов «из всего написанного выделить первую книгу (“Четки”), объявить ее *livre de chevet* и тут же затоптать все остальное, т.е. сделать из меня нечто среднее между Сергеем Городецким (“Ярь”), т.е. поэтом без творческого пути, и Франсуазой Саган – “мило откровенной” девочкой»⁶⁴.

Тем не менее, нельзя сказать, что Ахматовой не свойственна так называемая коллективная идентичность. Ее *Я* отчасти структурируется групповым сознанием, т.е. она осознает «значение для собственной судьбы такой культурной категории как женщина»⁶⁵. Однако связываемые с этой категорией патриархатные стереотипы женственности ретроспективно осознаются Ахматовой как препятствовавшие и препятствующие осуществлению собственной судьбы. В структуре субъективности в зрелой поэзии Ахматовой исчезают «материнские доминанты», и художественная речь оказывается схожей с

⁶⁴ А. Ахматова, *Сочинения*, Москва, 1986, т. 2, с. 257.

⁶⁵ И. Савкина, «*Sui generis*: мужественное и женственное в автобиографических записках Надежды Дуровой», *О муже(Н)ственности*. Сб. ст. Ред. С. А. Ушакин, Москва, 2002, <http://www.genderstudies.info/sbornik/muzhest/10.htm>

традиционной мужской, когда, по наблюдениям Л. Иригарэ, собственно телесное в речи изолируется и создается пространство рефлексии и спекуляции, в которых возможно смотреть на себя не изнутри своего тела, а извне⁶⁶. Поразительна оговорка юной еще Ахматовой в одном из писем С. В. фон Штейну, в которой очевидна рефлексия становящегося поэта над женственной фигурой речи: «Пришлите, я буду ужасно (женское слово) рада видеть Ваши стихи» (2, 184). У зрелой Ахматовой это может быть выражено почти декларативно, например, в тех же «Северных элегиях»:

Как будто всё, с чем я внутри себя
Всю жизнь боролась, получило жизнь
Отдельную и воплотилось в эти
Слепые стены, в этот черный сад...
(1, 262).

Лирика зрелой Ахматовой, а также такой репрезентативный материал, как свидетельства мемуаристов, переписка с Н. Н. Пуниным, опубликованные *Записные книжки* демонстрируют, что то, что маркируется в традиционной культурной парадигме как неотъемлемые атрибуты женственности – несвобода, зависимость, отсутствие выбора, сосредоточенность на сердечных делах, подверженность неусыпному наблюдению и контролю – подавляли ее. 18 ноября 1924 г. Н. Н. Пунин записал в своем дневнике: «А. сказала: “очень уж я тебя люблю, это нехорошо, – и объяснила, – нехорошо так на одном встать; нельзя иметь одну точку, человек должен рас-

пространяться как-то”. Я же всегда думал наоборот, и все думают наоборот – любовь именно и характерна тем, что стоит на одном, так и надо»⁶⁷. В конце жизни Ахматова нашла определение указанным выше вариантам традиционного устройства своей женской судьбы: допущенная к написанию биографии под ахматовским неусыпным контролем А. Хейт писала, что в старости поэтесса гордилась тем, что провела такой *эксперимент* над собой⁶⁸.

Обратимся к проблеме культурной идентификации Ахматовой. В разные года она соотносила себя как личность и поэт с Сафо, Данте, Пушкиным, с некоторыми историческими и литературными персонажами – Марией Стюарт, Жанной д’Арк, боярыней Морозовой, Клеопатрой, королем Лиром, королевой Гертрудой, с мифологическими и библейскими героями – Дидоной, Кассандрой, Лотовой женой. Любопытно, что направленность культурной идентификации отражала определенную (зачастую гендерно не окрашенную) модель, которой следовала Ахматова в тот или иной период своей жизни. Так, в годы проживания с Н. Н. Пуниным Ахматова обратилась к личности и творчеству А. С. Пушкина, близость к которому чувствовала из-за его поглощенности семейными заботами в определенный период его жизни⁶⁹; а накануне переезда к Пунину она написала цикл «Библейские

⁶⁷ Н. Пунин, *Мир светел любовью: Дневники. Письма*, с. 230.

⁶⁸ А. Хейт, *Анна Ахматова. Поэтическое странствие. Дневники, воспоминания, письма А. Ахматовой*, с. 99.

⁶⁹ Там же, с. 39

⁶⁶ И. Жеребкина, *«Прочти мое желание...» (постмодернизм, психоанализ, феминизм)*, Москва, 2000, с. 176.

стихи», три героини которых – Рахиль, жена Лота и Мелхола – не столько связаны с судьбами народа и мира, как настаивают отдельные исследователи, сколько неотделимы от судеб сопровождаемых ими мужчин. Их жизнь цельна не собственной волей, а органичностью и неизбежностью служения мужу и семье.

Если говорить о периоде пребывания Ахматовой с Н. С. Гумилевым (а это означает вести речь обо всей ее жизни – настолько женский и творческий опыт, связанный с этим персонажем ее судьбы, был для нее важен), то знаковыми фигурами в культурной идентификации Ахматовой была чета английских поэтов: Роберт Браунинг – Элизабет Баррет. На определенном этапе ее творческого пути обозначилась самоидентификация с *Поэтом вообще* – центральной мифологемой «Поэмы без героя» (1, 355). Это вовремя и точно заметил В. Ходасевич: «В наши дни самая одаренная из русских поэтесс, Анна Ахматова, создала как бы синтез между “женской” поэзией и поэзией в точном смысле слова. Но этот синтез лишь кажущийся: Ахматова очень умна: сохранив тематику и многие приемы женской поэзии, она коренным образом переработала и то и другое в духе не женской, а общечеловеческой поэтики»⁷⁰. Представляется, что ее самоотождествление с гендерно нейтральным *Поэтом вообще* соотносится с Робертом Браунингом.

Художественный мир Браунинга становится одним из тех каналов, по которым в ахматовское творчество перетека-

ют европейские романтическая и постромантическая литературные традиции, укрепляя «берега» созданного ею идеального образа *Поэта с большой буквы* (1, 355). Реминисцентный характер отдельных сегментов так называемого *мифа о Поэте* в «Поэме без героя», на который Ахматова сама неоднократно указывала в своих *Записных книжках*⁷¹, отправляет читателя к условному бытию лирического персонажа стихотворения Браунинга “*Dûs Aliter Visum; or, le Bugon de nos jours*” («Боги иначе судили, или Байрон наших дней», 1864 г.)⁷² и к фактам реального бытия поэта Браунинга и его окружения.

«Ревизия», которую русская поэтесса произвела со стихотворением Браунинга, весьма любопытна. Ахматова не проявила интереса к ситуации поединка женщины и мужчины, воспроизведенного в стихотворении Браунинга. Браунинг с иронией описал поэта, отдавшего предпочтение карьере, а не любви. Ситуация выбора осмысляется английским литератором философски – это выбор между ложным и истинным бессмертием. У Ахматовой в ее мифологеме *Поэта вообще* судьба человека, наделенного даром слова, безальтернативна – полнота его бытия связывается только с исполнением поэтического предназначения:

Проплясать пред Ковчегом Завета
Или сгнуть!..
(1, 325).

⁷¹ *Записные книжки Анны Ахматовой*, с. 237, 258, 276, 451.

⁷² R., Browning, *The Poetical Works. In 4 vol.* Leipzig: Bernard Tauchnitz, 1872–1884, Vol. II, p. 71.

⁷⁰ В. Ходасевич, «“Женские” стихи», *Литературное обозрение*, 1989, № 5, с. 53.

Таким образом, в ахматовском *мифе о Поэте* реализуется излюбленный русской литературой архетипический образ поэта со всеми его героико-жертвенными коннотациями. Семантические возможности иного развития темы, которые предоставляло стихотворение английского предшественника, не задействованы. Поэтому можно предположить, что значимость цитатности *мифа о Поэте* в «Поэме без героя» коррелирует не столько с его претекстом, сколько с создателем претекста.

Обратимся к внетекстовым обстоятельствам. Н. Я. Мандельштам писала: «...когда-то Гумилев сказал ей, что они двое будут, как Браунинги – при жизни слава досталась жене, после смерти внезапно вырос муж, а жена почти исчезла»⁷³. Т.е. Ахматова и Гумилев проецировали свои взаимоотношения на отношения меж поэтами и супругами Браунингом и Баррет. Думается, явных параллелей внетворческого плана между этими литературными парами нет, разве что некоторое сходство жизненных ситуаций в период сватовства. Длительное ухаживание Браунинга и Гумилева за будущими женами, одна болезнь у обеих – чахотка, долгие колебания женщин, прежде чем дать согласие на брак, интенсивная добрачная переписка, сожженная русской парой⁷⁴, и ставшие бестселлером письма Баррет и Браунинга, опубликованные их сыном

⁷³ Н. Я. Мандельштам, *Воспоминания*, Москва, 1978, с. 479.

⁷⁴ Гумилев и Ахматова сожгли свою переписку сразу после женитьбы, «уже тогда понимая, что это не должно существовать». – *Записные книжки Анны Ахматовой*, с. 627.

в 1898 г. Далее возможные аналогии исчерпываются либо могут быть прочитаны с точностью наоборот: у Браунингов – недолгая, но счастливая совместная жизнь, преждевременная кончина жены, мощный всплеск творческой энергии мужа в последние десятилетия его жизни⁷⁵; у четы Гумилев–Ахматова – мучительный для обоих брак, ранняя насильственная смерть мужа, признание и слава, пришедшие к жене в последние годы ее жизни.

Что касается пророчества Гумилева, о котором вспоминала Мандельштам, то для того, чтобы определить репутацию Гумилева и Ахматовой в литературных кругах и в читательской среде России 1910-х гг., сошлемся на авторитет К. Чуковского: «Кроме как в узких литературных кругах, где его любили и чтители, его личность ни в ком не вызвала сочувствия. Этим его литературная судьба была очень непохожа на судьбу его первой жены, Анны Ахматовой. Критика сразу признала ее, стали посвящать ей не только статьи, но и книги. Он же – и это очень огорчало его – был долгое время окружен каким-то злорадным молчанием»⁷⁶.

Но сбылось ли предсказание Гумилевым своей посмертной судьбы? Отчас-

⁷⁵ Беллетризированное повествование психологического толка о супругах Браунингах см.: А. Моруа, «Роберт и Элизабет Браунинг», *Иностранная литература*, Москва, 2002, № 5, с. 222–237. См. также: З. А. Венгерова, *Английские писатели XIX века*, С.-Петербург, 1913, с. 104–106; В. Захаров, «Поэзия Роберта Браунинга», *Р. Браунинг. Стихотворения*, Ленинград, 1981, с. 8.

⁷⁶ К. И. Чуковский, «[Воспоминания о Николае Гумилеве]», *Николай Гумилев: pro et contra*, Москва, 2000, с. 298.

ти. И не столько при жизни Ахматовой, сколько в последние десятилетия XX в. В предложенном некогда Гумилевым культурном параллелизме (он – Браунинг, Ахматова – Баррет) на долю Ахматовой пришлось как судьба Баррет – прижизненный успех, так и Браунинга – посмертная слава, явно превосходящая известность Гумилева.

Интерес же представляет то, что аналогично двигалась и культурная идентификация Ахматовой: от согласия занимать в отечественном аналоге поэтической супружеской пары место Баррет до финального соотношения себя с Браунингом. «Знаете, я перечитала *m-me Browning*. Что-то не понравилась она мне. Муж всегда тянул одну-единственную ноту, но виртуозно... А она..., может быть, тем она и плоха, что очень на него похожа», – говорила Ахматова Л. К. Чуковской⁷⁷. В этом высказывании проступают интонации ахматовского поединка с тем, что маркируется в доминантной культуре как неотъемлемое свойство женственности – с вторичностью, (творческой) зависимостью от мужского.

Т.е. на уровне персонажей браунинговская тема любовной дуэли между мужчиной и женщиной, актуальная для “*Dûs Aliter Visum; or, le Byron de nos jours*” и многих других текстов английского поэта, редуцируется Ахматовой к теме поединка ярко выраженных творческих *Я*. Подобного рода ситуация была пережита ею не раз. Сошлемся на Н. Н. Пунину, в креативной мощи которого не усомнишься: «Я боролся с ней,

как Иаков с ангелом и всегда оставался хром»⁷⁸; «От боли хочется выворотить всю грудную клетку. Ан. победила в этом пятнадцатилетнем бою»⁷⁹.

Процесс перемещения культурной идентификации от Баррет к Браунингу шел параллельно с процессами разрушения брачных союзов, утверждения своей женской и творческой инакости и нивелирования гендерных аспектов в творчестве – по направлению к тому, что выше было названо гендерно нейтральным *Я*. Выбрав Браунинга, Ахматова самоопределяется и выделяется не относительно мужчины, но относительно Поэта. Но это вовсе не означало, что канон Большой/Отцовской литературы безоговорочно присвоил Ахматову, объявив ее не поэтессой, но поэтом и переместив ее из маргинальной области женской литературы в «высшие сферы» общечеловеческой литературной традиции. Одни отторгали и отторгают Ахматову от ее гендерной авторской субъективности: для примера процитируем определение А. А. Вознесенского в интервью *New York Times* в марте 1966 г.: «матриарх российских поэтов»⁸⁰. Другие числили и числят ее на верхних ступенях канона женского мелоса: «Только несколько вершин возвышается в мировой поэзии: в Греции – Сафо, в Германии Аннета Дросте-Хюльскоф, в Англии Елизавета

⁷⁷ Л. К. Чуковская, *Записки об Анне Ахматовой*, Париж, 1976, т. 1, с. 18.

⁷⁸ *Записные книжки Анны Ахматовой*, с. 360. Вариант: «Н. Н. Пунин часто говорил обо мне: “Я боролся с ней и всегда оставался хром, как Иаков”» (Там же, с. 152)

⁷⁹ Н. Пунин, *Мир светел любовью: Дневники. Письма*, с. 334. Цит. по: В. А. Черных, *Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой*, с. 297.

⁸⁰ Процитировано Р. Д. Тименчиком. – Р. Тименчик, *Анна Ахматова в 1960-е годы*, с. 697.

Броунинг, в России – Анна Ахматова и Марина Цветаева. В Америке долго не было великой поэтессы. Теперь, с опозданием на сто лет, ее [Эмили Дикинсон. – Г.М.] открыли...»⁸¹.

---

⁸¹ В. Марков, «Эмили Дикинсон», *Литературный сборник. 1*, Регенсбург, 1948, с. 75. Цит. по: Р. Тименчик, *Анна Ахматова в 1960-е годы*, с. 680.

ANA ACHMATOVA: „SAVASTIES“ PAIEŠKOS

Galina Michailova

S a n t r a u k a

Straipsnyje apmąstoma Anos Achmatovos gyvenimas ir kūryba – poetės asmenybės raidos. Straipsnyje analizuojami šie klausimai: skirtingų tapatybės modelių refleksija, specifinių psichologinių ir socia-

И как бы мы не пытались определить ахматовскую траекторию поиска культурной «самости» в пределах перспективной, которая представлялась ей как общечеловеческая, мы неизбежно упираемся в ситуацию самоидентификации с мужским опытом – Пушкина ли, Шекспира ли, Данте ли или Браунинга.

linių vaidmenų atlikimas kūryboje ir gyvenime ir jų atsisakymas, taip pat egzistencinės sistemos (įskaitant valios ir pasirinkimo laisvės) teiginių formulavimas.

Получено: 2008, август

Принято: 2008, сентябрь

Адрес автора:

Vilniaus universitetas

Rusų filologijos katedra

Universiteto g. 5

LT-01513 Vilnius Lietuva

E-mail: galina.michailova@flf.vu.lt